

Поршнева Алиса Сергеевна, Курмачева Яна Юрьевна
КОНЦЕПТ "ЭМИГРАНТ" В РОМАНАХ Э. М. РЕМАРКА

Статья посвящена анализу концепта "эмигрант" в эмигрантской пенталогии Э. М. Ремарка. Использование методов когнитивной лингвистики – построение полевой модели концепта – позволяет расширить понимание литературного образа эмигранта. В работе рассматриваются ядерные и приядерные репрезентации концепта, его ближайшая периферия; особое внимание уделяется образным и символическим сравнениям и аллюзиям, с помощью которых в романах моделируется биография героя-эмигранта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 169-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.112.2.01

Филологические науки

Статья посвящена анализу концепта «эмигрант» в эмигрантской пенталогии Э. М. Ремарка. Использование методов когнитивной лингвистики – построение полевой модели концепта – позволяет расширить понимание литературного образа эмигранта. В работе рассматриваются ядерные и приядерные репрезентации концепта, его ближайшая периферия; особое внимание уделяется образным и символическим сравнениям и аллюзиям, с помощью которых в романах моделируется биография героя-эмигранта.

Ключевые слова и фразы: концепт; Ремарк; эмиграция; эмигрант; ядро; приядерная зона; периферия; образные сравнения.

Поршнева Алиса Сергеевна, к. филол. н.

Курмачева Яна Юрьевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

alice-porshneva@yandex.ru; kurmyana@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ЭМИГРАНТ» В РОМАНАХ Э. М. РЕМАРКА[©]

Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1009.2012.6.

Эмиграция оставила след не только в жизни, но и в литературной судьбе Э. М. Ремарка. Его романы эмигрантской тематики «Возлюби ближнего своего» (1941 г.) «Триумфальная арка» (1945 г.), «Ночь в Лиссабоне» (1962 г.), «Тени в раю» (1967 г.) и «Земля обетованная» (1970 г.) – формируют так называемую эмигрантскую пенталогию. Хотя в рамках наиболее традиционного подхода принято говорить о «эмигрантской тетралогии» (*Tetralogie von Exil-Romanen*) (см.: [9]), мы не рассматриваем незавершенный роман «Земля обетованная» отдельно от остальных, поскольку, как нами было доказано ранее, его «объединяет с другими эмигрантскими романами общность тематики и проблематики, сходство пространственной и символической организации <...>, а с романом “Тени в раю” – еще и очень близкие и явные сюжетные переклички» [8, с. 9]. Это позволяет применить общие методы анализа ко всем романам эмигрантского цикла.

Несмотря на значимость темы эмиграции в творчестве Ремарка, он долгое время не воспринимался как автор-эмигрант (*Exilautor*) [16, S. 4] и не включался в контекст немецкой эмигрантской литературы. Немецкие исследователи его творчества уделяют основное внимание роману «На Западном фронте без перемен», его рецепции и эстетической оценке [17; 20]. Как отмечает А. Маркин, в Германии о нем помнят как об авторе одного романа [6, с. 5]. Эмигрантские романы Ремарка рассматривались в основном в рамках биографического и психоаналитического подходов: эмиграция трактовалась как причина сильных психологических травм писателя, нашедших выражение в его произведениях (см.: [10; 18; 19]). Специфика художественного мира эмигрантской прозы Ремарка практически не попадала в поле зрения исследователей.

Ранее нами была изучена пространственная и сюжетная организация эмигрантских романов Э. М. Ремарка [8], что во многом заполнило обозначенную лагуну. С нашей точки зрения, данное исследование может быть дополнено анализом особенностей концепта «эмигрант», очень значимого для этого автора.

В методологическом плане основой настоящего исследования является разработанный в лингвистике метод концептуального анализа. Согласно Л. Г. Бабенко, «в литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся в том, что автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные знания» [1, с. 132]. Частные, индивидуальные знания о мире в данном случае – опыт жизни Ремарка в эмиграции, отраженный в его пенталогии. Таким образом, под авторской картиной мира мы подразумеваем картину «эмигрантскую», которая, как и любая другая КМ, складывается из определенного рода концептов.

Одним из ключевых концептов эмигрантской картины мира является концепт «эмигрант». Словарное определение понятия «эмигрант» выглядит следующим образом: «Эмигрант [< лат. *Emigro* – выселяюсь] – лицо, добровольно или вынужденно покинувшее страну, гражданином которого оно является, и поселившееся в другой стране» [5, с. 1289]. Очевидно, что для Ремарка образ эмигранта не ограничивается лишь фактом смены места жительства, а представляет особую «форму существования», которая и реализуется в обозначенном концепте.

При построении структуры концептосферы мы используем модель, предложенную Л. Г. Бабенко: ядро, приядерная зона, ближайшая и дальнейшая периферия [1, с. 148].

В романе «Возлюби ближнего своего» Ремарк рассказывает историю студента Людвиг Керна, выдворенного из Германии и лишённого гражданства. В данном случае неочевиден статус героя – беженец или эмигрант. Эмигрант покидает страну своего постоянного местожительства как добровольно, так и вынужденно, беженец – всегда вынужденно; беженец не может официально находиться в стране своего происхождения, из которой он бежал; эмигрант – может. В отличие от того же Штайнера, который бежал из концентрационного лагеря, но мог вернуться обратно (что впоследствии и сделал, заплатив за встречу с большой

женой собственной жизнью), Керну въезд в страну был запрещен. Однако сам автор (по крайней мере, в отношении Керна) не всегда четко разделяет эти два понятия. Герои романа называют Людвига и беженцем (*Flüchtling*), и эмигрантом (*Emigrant*), при этом некоторые из них абсолютно незнакомы с подробностями его нелегкой судьбы: «Er leuchtete Kern ins Gesicht. – “Na ja, knapp zwanzig, was? *Emigrant*?” – “Natürlich.”» [14, с. 2] (Лицо осветилось: «Ну да, короче в 20, так? *Эмигрант*?». – «Конечно.»);

«Eine freundliche, dicke Frau öffnete. “Kommen Sie nur herein”, sagte sie gutmütig, als sie ihn sah. “Deutscher, nicht wahr? *Flüchtling*? Kommen Sie nur herein!”» [Там же, с. 71] (Открыла дружелюбная полная женщина. «Так заходите же», - сказала она приветливо, увидев его. «Немец, не так ли? Беженец? Заходите же!»).

Таким образом, в ядро концепта мы посчитали возможным включить нейтральные наименования, закрепленные за понятиями «эмигрант» и «беженец» в словарях – *ein Emigrant* и *ein Flüchtling* [2, с. 23, 489]. Лексема *ein Emigrant* встречается в тексте романа чаще, чем лексема *ein Flüchtling*, что позволяет нам считать ее основной, но в ней не могут одновременно реализоваться оба значения – и «беженец», и «эмигрант», поэтому лексема *ein Flüchtling* также включается в ядро концепта.

Ассоциативное поле концепта «эмигрант», которое «образуется совокупностью ассоциатов на ключевую лексему-репрезентант» [7, с. 179] (в нашем случае – *ein Emigrant*), в романе «Возлюби ближнего своего», можно сказать, и концепт как таковой, формируется во многом за счет пространственных смыслов. На этом фоне происходит расширение концепта – в самом показательном контексте в статус эмигранта возводятся даже земля и луна: «Sehen Sie da oben *den blassen Bruder Mond* – *ein Emigrant der Erde*. Und *Mutter Erde* selbst – *eine alte Emigrantin der Sonne*» [14, с. 99] (Вы видите на небе бледного брата месяца – эмигранта земли. И сама мать-Земля – старая эмигрантка солнца.).

Образные репрезентации, являющиеся синонимами понятия «эмигрант» лишь в контексте произведения, образуют приядерную зону. Их можно условно поделить на две группы. В первую входят номинации, которые используют для обозначения своего положения сами эмигранты: *die Gehetzte* ‘те, кого преследуют’, *die Vaterlandslose*, *die Staatenlose* ‘потерявшие родину’, *die Ausgestoßenen* ‘отверженные’, *die beste Gesellschaft* ‘лучшее общество’, *Kameraderie der Illegalen* ‘товарищество нелегалов’, *Kollegen* ‘коллеги’, *Kosmopoliten* ‘космополиты’, *Subjekte für die Polizei* ‘нежелательные элементы’, *Touristen* ‘туристы’, *Wanderer auf Gottes Erde* ‘странники на земле Божьей’, *der Vagabund* ‘бродяга’, *Sündenböcke* ‘козлы отпущения’, *alte Krieger der Emigration* ‘старые воины эмиграции’, *wer nirgendwo hingehört* ‘тот, кто нигде не может найти приют’, *der Veteran der Emigranten* ‘ветеран эмигрантов’. «Автором» наиболее ярких и запоминающихся номинаций является Штайнер, который называет Керна «маленьким космополитом» (*kleiner Kosmopolit*), солдатом, разведчиком, первооткрывателем и пионером мирового космополитизма: «Und du bist *ein Soldat*, vergiss das nicht. Ein Vorposten. Eine Patrouille. *Ein Pionier des Weltbürgertums*» [Там же, с. 181] (А ты солдат, не забывай это. Постовой. Патруль. Пионер космополитизма.).

Некоторые из его высказываний можно воспринимать как своеобразную эмигрантскую мудрость: «Ein Mensch ohne Paß ist eine Leiche auf Urlaub» (Человек без паспорта – это все равно, что труп в отпуске) [Там же, с. 13]. Судя по выделенным нами номинациям, эмигранты по-разному воспринимают свое положение: чаще с горечью, но иногда и с иронией. Отношение чиновников, полицейских, а также некоторых обывателей сугубо отрицательно. Так, например, полицейские, поймавшие Керна и других эмигрантов, нелегально проживавших в пансионе, пренебрежительно называют их *Vögel* ‘птенчики’, *Exzellenz*, *der Stromer*, *General Stinktier* ‘Его Величество Бродяга, Генерал Воночка’. Обыватели и вовсе не считают их за людей: «Schlagt das *Emigrantenpack* tot! brüllte ein Mann hinterher» [Там же, с. 6] (Убейте того эмигрантика! - зарычал мужчина.).

Это непрямые номинации, употребление которых позволяет провести своеобразную параллель с существованием эмигрантов и, таким образом, понять отношение к ним самого автора.

На лексическом уровне «особое» положение эмигрантов выражается с помощью лексем, обозначающих предметы, явления или отвлеченные понятия, непосредственно с ними связанные и в какой-то степени им «принадлежащие»: *die typische Emigrantenbörse* ‘типичная биржа эмигрантов’, *ein Emigrantencafé* ‘кафе, где собираются эмигранты’, *Komitee für Flüchtlingshilfe* ‘комитет помощи беженцам’, *der Hunger*, *die Bleibe und die Zeit* – *Problem des Emigranten* ‘голод, пристанище и время – проблемы эмигрантов’, *Emigrantenblätter* ‘эмигрантские листки’, *Emigrationswelle* ‘волна эмиграции’, *Bewegungskrieg der Emigranten* ‘маневренная война эмигрантов’, *Emigrantenbuden* ‘клоповники для эмигрантов’, *Die Grenzen sind ja unsere Heimat* ‘граница – наша [эмигрантов] родина’, *die ewige/alte Angst* ‘извечный/старый эмигрантский страх’ (быть пойманным), *die übliche Strafe für Emigranten* ‘обычное наказание для эмигрантов’, *das Schicksal der Emigranten* ‘судьба эмигрантов’, *Wo war es doch das letztmal mit uns?/Wann haben wir uns das letztmal getroffen?* ‘Где/Когда мы с вами последний раз встречались?’ (типичный эмигрантский вопрос, в разных вариациях встречающийся во всех пяти романах), *Skat für Emigranten* (скат – карточная игра, в которую умеют играть практически все эмигранты). В отдельную подкатегорию можно выделить вещи, которыми торгуют эмигранты: *Schnürsenkel*, *Büchsen*, *Stiefelwichse*, *Pakete Sicherheitsnadeln* ‘шнурки, мазь для сапог, английские булавки’, *Staubsauger*, *Grammophone mit eingebautem Radio* ‘пылесосы, граммофоны с встроенным радио’, *Seife*, *Toilettenwasser*, *Hosenträgern* ‘мыло, туалетная вода, подтяжки’, *Bleistifte*, *Knöpfe*, *Radiergummi*, *Zahnbürsten*, *Kämme*, *Krawatten* ‘карандаши, шнурки, пуговицы, резинки, зубные щетки, расчески, галстуки’. Это позволяет нам включить данные лексемы как в ассоциативное поле рассматриваемого концепта, так и в зону ближайшей периферии.

На пространственном уровне можно выделить участки, которые являются местами встреч эмигрантов, их временными убежищами – церкви, музеи, кафе («Морис», «Шперлер», «Грейф»), отель «Верден» («Das Verdun ist kein Hotel – es ist etwas, was Gott schon vor fünfzig Jahren in weiser Voraussicht für die Emigranten

geschaffen hat» [Там же, с. 281] (Вердун – это не отель, это то, что Господь 50 лет назад по мудрой прозорливости своей создал для эмигрантов.).

Они формируют дальнейшую периферию, поскольку, как мы уже отмечали выше, сам концепт в очень большой степени обусловлен перемещением эмигранта в пространстве; в силу этого невозможно исключить из концептосферы пространственные единицы.

Таким образом, концепт «эмигрант» в романе «Возлюби ближнего своего» реализуется на трех уровнях: сюжетном, лексическом и пространственном.

Роман «Триумфальная арка», написанный в 1945 году, повествует о враче Равике, бежавшем из немецкого концентрационного лагеря и эмигрировавшем во Францию. Он зарабатывает себе на жизнь, нелегально оперируя пациентов французских клиник и, несмотря на блестящие навыки хирурга, на большее рассчитывать не может: «Als *Refugié*, der nicht praktizieren darf...» [11, с. 180] (Как рефужие, которому не разрешают открыто вести практику лечения больных...).

Ein Refugié-Arzt, ein Refugiéchirurg – так называют врачей, вынужденных, подобно Равике, вести незаконную практику за небольшие деньги.

Ядро концепта в романе образует лексема *ein Refugie*, соответственно, лексемы *ein Emigrant* и *ein Flüchtling* перемещаются в приядерную зону. Данная лексема имеет французское происхождение. Интересно, что в ней реализуются оба значения – и «беженец», и «эмигрант» [2, с. 362]. Поскольку, как уже отмечалось, концепт и пространство взаимосвязаны, а Равик находится во Франции, второстепенная роль, казалось бы, значимых лексем *ein Emigrant* и *ein Flüchtling* по отношению к *ein Refugie* вполне объяснима. Следует учитывать и то, кем Равика считают другие, как они его «называют», и как Равик определяет свое собственное положение: «Sie sind *ein Refugié*» (Вебер) [11, с. 321] («Вы как рефужие»);

«“Ravic”, sagte sie. “Du bist *ein Refugié*. Und *Refugiés* haben manchmal Schwierigkeiten. Da ist es gut, zu wissen, wo man wohnen kann, ohne dass die Polizei sich kümmert”. – “Woher weißt du, dass ich *ein Réfugié* bin?”» (Роланда и Равик) [Там же, с. 290] («Равик», - сказала она. «Ты же рефужие. А у таких как рефужие иногда бывают трудности. Хорошо бы знать, где можно жить, чтобы полиция не беспокоила.» - «Откуда ты знаешь, что я рефужие?»).

Для обозначения эмигрантов в общей массе, напротив, используются лексемы *ein Emigrant* и *ein Flüchtling*, причем первая употребляется гораздо чаще: «*Die Emigranten nahmen keine Chance*» [Там же, с. 202] (У эмигрантов не было шансов); «*Und Belgien ist kein Land für Emigranten*» [Там же, с. 293] (Бельгия – не страна для эмигрантов); «*Die Emigranten standen in den Katakomben*» [Там же, с. 323] (Эмигранты жили в катакомбах); «*Für einen illegalen Flüchtling treibst du dich eigentlich ziemlich frech in den elegantesten Lokalen von Paris herum*» [Там же, с. 57] (Для нелегального беженца ведешь ты себя довольно нагло в элегантных закусочных Парижа).

В случае с отдельными представителями «эмигрантского племени» лексема «эмигрант» (*ein Emigrant*) выступает в роли своеобразной приставки к имени: «*Die Frau hatte ein Verhältnis mit dem Emigranten Wiesenhoff*» [Там же, с. 79] (У женщины не было никаких отношений с эмигрантом Визенхофом); «...*Emigrant Josef Blumenthal* sich in einem Anfall hysterischen Gelächters vor dem Palast des Völkerbundes erschossen hatte» [Там же, с. 164] (Эмигрант Йозеф Блументаль застрелился в припадке истерического смеха перед дворцом союза народов); «*Die Nelken unten vor dem Fenster des Emigranten Wiesenhoff*» [Там же, с. 180] (Внизу, под окном эмигранта Визенхофа, - гвоздики).

Ближайшую периферию концепта образуют номинации – образные сравнения: *die illegale Brigade* ‘нелегальная бригада’, *Abenteurer wider Willen* ‘странники против воли’, *Funken in einem unbekanntem Wind* ‘искорки, гонимые неведомым ветром’, *illegaler Findling* ‘нелегальный подкидыш’, *eine kleine Insel ungewissen Daseins* ‘маленькие островки призрачного существования’, *ein Mensch ohne Zukunft* ‘человек без будущего’, *Mann ohne Heimat* ‘человек без родины’, *Schlinggewächs ohne Erde* ‘лиана, которая ни за что не может зацепиться’, *Taschendieb des Todes* ‘воришка, обкрадывающий смерть’, *Don Quichotte der Untergrund* ‘Дон Кихот подземелья’, *losgerissene Blätter vor einem Wind* ‘гонимые ветром листья’, *das auserwählte Volk* ‘избранный народ’, *Jehovas Lieblinge* ‘любимцы Иеговы’, *Speziell für Pogrome* ‘специально предназначенные для погромов’, *die Nachkommen Ahasvers* ‘потомки Агасфера’. Обилие образных номинаций, выражающих движение против воли, позволяет нам предположить, что концепт «эмигрант» в романе реализуется в рамках фрейма бегства-преследования (вслед за В. И. Карасиком, под фреймом понимаем модель для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей [4, с. 152]).

Номинации, обозначающие нечто, связанное с эмигрантами (в частности, принадлежащее им – *die Lilien des Emigranten Wiesenhoff*), подчеркивающее их особое положение (скорее, символически, чем в буквальном смысле), входят в зону дальнейшей периферии: например, в предложении «*Emigranten nehmen selten Bilder mit, wenn sie zurückgehen*» [11, с. 61] речь идет о картинах, которые эмигранты привозят на чужбину как память о родине, которую они покинули. Сюда же можно включить и спиртные напитки – кальвадос (*Calvados*) и зубровку (*Subrowka*), поскольку они возведены автором в статус эмигрантских (их пьют Равик, Жоан, Морозов и другие эмигранты). Говоря о первой волне русских эмигрантов, Морозов называет титулы и манеры спасательным кругом, за который они держались, чтобы окончательно не потерять былой лоск и не перейти в категорию «людей второго сорта», поэтому мы также считаем возможным отнести их к дальнейшей периферии: «*Ganz wie die Russen in den ersten Jahren. Hielten sich an ihre Titel und Manieren wie an Schwimmgürteln*» [Там же, с. 35-36] (Ну, прямо, как русские в первые годы эмиграции. Держались за свои титулы и манеры как за спасательные пояса).

Хотелось бы подробнее остановиться на одном из случаев расширения ассоциативного поля концепта в романе: «Jetzt nicht. Nicht im Keller. Ich sehe es [das Porträt Hitlers] lieber, wenn alle Zimmer im Hotel mit derselben Sorte vollhängen. Die Wirtin sah ihn einen Augenblick scharf an. – Ach so, sagte sie dann. Sie meinen, wenn die [Nazis] als Emigranten kommen?» [Там же, с. 63] (Сейчас нет. Не в погребке. Мне нравится смотреть на него (портрет Гитлера), когда все комнаты отеля завешаны его портретами. Хозяйка мгновенно посмотрела на него внимательно. «Ах так, – сказала она затем, – это когда они (нацисты) приходят как эмигранты?»).

Включение понятия «нацист» в данное поле довольно необычно, оно фактически нарушает существующую оппозицию «нацист – эмигрант». Однако предположим, что любой нацист, получив статус эмигранта, в полной мере станет носителем той особой «формы бытия», о которой мы говорили выше.

В романе «Ночь в Лиссабоне» ядро концепта составляют как нейтральные наименования, закрепленные за понятием «эмигрант» в словарях, – *der Emigrant, der Flüchtling*, – так и образные номинации, являющиеся его синонимами лишь в контексте произведения – *der Wanderer wider Willen, das Chamäleon, der Spion, der Verbrecher, tot mit einem toten Paß, der Grenzgänger, der Schicksalsgenosse* (путешественники по неволе, хамелеоны, шпионы, преступники, мертвые с мертвым паспортом, перебежчики границы, друзья по судьбе).

В ядерную зону концепта мы также посчитали возможным включить номинации *salauds* и *sales etrangers*, поскольку узкий контекст позволяет предположить, что они являются прямыми: «Helen übersetzte mit großem Genuss und fügte noch eine Anzahl, “salauds” und “sales etrangers” hinzu. Das letzte entzückte mich besonders; einen Franzosen in seinem eigenen Land einen dreckigen Ausländer zu nennen, konnte nur von jemand voll genossen werden, der dasselbe oft genug selbst genannt worden war» [13, с. 177] (Хелен переводила с большим удовольствием и добавляла перечисление “salauds” и sales etrangers). Последнее меня особенно напугало, назвать француза в его собственной стране как грязного иностранца, это мог сделать человек, испытывающий особое удовольствие, которого такими словами самого часто называли).

Ключевое слово концепта «эмигрант» впервые появляется буквально в самом начале романа, когда рассказчик встречает Йозефа Шварца, который предлагает ему два билета на отходящий в Америку корабль. Думая, что Шварц хочет продать их, герой советует ему обратиться к эмигрантам, у которых достаточно денег, поскольку у него их почти нет: «Es soll in Lissabon reiche Emigranten geben; die werden Ihnen dafür zahlen, was Sie verlangen» [Там же, с. 4] (В Лиссабоне должны быть богатые эмигранты, которые Вам заплатят, за то, что Вам нужно).

Сочетание *reiche Emigranten* позволяет предположить, что номинативное поле (термин З. Д. Поповой, И. А. Стернина обозначает «совокупность языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [7, с. 167]) данного концепта неоднородно, поскольку из контекста понятно, что сам рассказчик отнюдь не богат, как и подавляющее большинство его «товарищей по несчастью» (*die Schicksalsgenossen*) – так называет других эмигрантов Шварц (что позволяет нам выделить это как еще одну номинацию, используемую при обращении к эмигранту). Другим подтверждением неоднородности номинативного поля концепта служит диалог между Шварцем и рассказчиком, в котором он упоминает богатого эмигранта-кинодельца: «Schließlich verkaufte ich sie an einen reichen Filmemigranten, der Besitz für sicherer hielt als Geld» [13, с. 126] (В конце концов, я продам ее богатому эмигранту-киношнику, который владеет чем-то большим, чем деньги).

Другой интересной, на наш взгляд, номинацией, которую мы включили в ядро номинативного поля концепта «эмигрант», является лексема *das Chamäleon*, которую употребляет Хелен в диалоге со Шварцем. Данная номинация имеет ярко выраженную негативную коннотацию (хотя позже становится ясно, что подобный контекст был обусловлен влиянием чувств): «“Kein Emigrant also?” sagte ich. “Kein Chamäleon, das seine Farbe wechselt. Nicht jemand, der sich seiner Verantwortung entzieht”» [Там же, с. 59] («Итак, не эмигрант?» – сказала она. «Не хамелеон, который меняет свою окраску. Не тот, кто бежит от своей ответственности»).

В тексте романа мы также встречаем номинацию *der Flüchtling*: «Die Furcht vor der Polizei verlässt den Flüchtling nie, nicht einmal im Schlaf, auch wenn er nichts zu fürchten hat – deshalb drehte ich mich sofort scheinbar gelangweilt um und verließ langsam den Quai wie jemand, der vor nichts Angst zu haben braucht» [Там же, с. 2] (Беженца никогда не покидает страх перед полицией, даже во сне, даже когда вроде и нечего бояться, поэтому я всегда оборачиваюсь с кажущейся ленью и медленно покидаю это место как человек, которому и не снится бояться что-либо).

Основными словарными значениями *der Flüchtling* и *der Emigrant* являются ‘беглец, беженец’ и ‘эмигрант, переселенец’ соответственно. Очевидно, что слова не являются абсолютными синонимами. По определению Д. Н. Иванцова, «беженцы не эмигранты, между ними и эмигрантами имеется огромное различие. Эмигрант смотрит вперед – беженец всей душой рвется назад, рассматривая свое пребывание за границей как преходящий эпизод. Эмигрант является за границу с твердой верой в будущее – беженец подавлен постигшей его материальной и нравственной катастрофой. <...> Эмигрант сам выбирает страну переселения – беженец оказывается там, куда его загонит судьба» [3, с. 80].

Несмотря на то что (двойные союзы «несмотря на то что», «для того что», «после того как» и т.п. запятой не разделяются) Шварц не раз называет годы, проведенные в эмиграции, изгнанием, а самого себя – «странником против воли» (досл.) («Ich hatte nichts aus den fünf Jahren Exil mitgebracht als meine geschärften Sinne, die Bereitschaft zu leben und die Vorsicht und Erfahrung eines flüchtigen Verbrechers, Das andere hatte Bankrott gemacht» [13, с. 53] (Я ничего не вынес из 5 лет эмиграции кроме обостренного сознания с готовностью жить, жить с осторожностью и опытом преступника в бегах. Все другое не имеет смысла); «Dem Wanderer wider Willen war das Alltägliche längst zur Phantasmagorie und das Abenteuer zur Plage geworden» [Там же, с. 96]

(Для странника по неволе стали быт фантазмагорией, а приключения мукой»), в какой-то момент он начинает воспринимать пребывание за границей как своего рода необходимость, а не несчастье: «Der Entschluss, den ich vor drei Jahren gefasst halte, das Exil nicht als ein Unglück, sondern als eine Art von kaltem Krieg zu nehmen, der nötig wäre zu meiner Entwicklung, trug so wenigstens hier und da Früchte» [Там же, с. 64-65] (Решение, к которому я пришел 3 года назад, - воспринимать ссылку не как горе, а как вид холодной войны, которая нужна мне для моего развития, что принесло, наконец, плоды).

Подобное изменение в восприятии Шварцем действительности позволяет нам предположить, что его можно считать в большей степени эмигрантом, нежели беженцем. К тому же, нельзя сказать, что он стремился вернуться обратно, потому что настолько любил страну, где родился и вырос. Виной всему были его неспособность (и даже нежелание) начать новую жизнь, не попросившись с жизнью старой, и одиночество, которое он не мог больше переносить. После воссоединения с Хелен все, чего он желал, это уехать как можно дальше, подобно герою-рассказчику, мечтавшему попасть на корабль до Америки со своей женой Рут.

Таким образом, назвать ключевой номинацию *der Flüchtling* мы не можем. Необходимо также учитывать тот факт, что герои Ремарка используют лексему *der Emigrant* гораздо чаще лексемы *der Flüchtling*.

Ближайшую периферию концепта образуют номинации – образные сравнения: *der indische Bettelmönch, der Maulwurf unter Grund, der Hase, die Juden beim Auszug aus Ägypten, ein Kugel, ein gehetztes Tier* (индийский попрошайка-монах, червяк под землей, заяц, евреи во время бегства из Египта. шарик, загнанный зверь), *eine fliegende Spinnweb im Herbst* (летающая паутина осенью). Это не прямые номинации, употребление которых создает метафорические параллели существованию эмигрантов, наиболее важной из которых является ветхозаветный сюжет исхода евреев из Египта.

Очевиден факт существования проявляющихся в концепте оппозиций «эмигрант – полицейский», «эмигрант – нацист», т.е. «свой – чужой» в более обобщенном смысле. В структуру концепта «эмигрант» входит еще и ряд пространственных единиц, осознаваемых как «эмигрантские»: «Кафе де ля Роз» в Париже, где эмигранты могут «обрести приют» на некоторое время, почтамт в Цюрихе, где можно узнать последние новости, кафе «Кондор», а также музеи, церкви и картинные галереи, где можно находиться, не привлекая внимания и не предьявля никаких документов.

На лексическом уровне «особое» положение эмигрантов выражается с помощью лексем, обозначающих предметы или явления, непосредственно с ними связанные, – *die Rosenkränzen, die Heiligenbildern, die Strümpfen, die Krawatten, die Hemden* (вещи, которыми торгуют эмигранты) – (венки из роз, иконки, чулки, галстуки, рубашки), *der Emigrantenblick* ‘эмигрантский взгляд’, *der Emigranten-Koller* ‘эмигрантский колер’, *die Flucht der Emigranten* ‘великий ход, крестный путь эмигрантов’, что позволяет нам включить данные единицы как в ассоциативное поле рассматриваемого концепта, так и в зону дальней периферии.

Два последних эмигрантских романа «Тени в раю» и «Земля обетованная» «демонстрируют не только общность места действия, но и ряд очевидных сюжетных переключек и даже дословных совпадений в некоторых пассажах <...>» [8]. Поэтому мы исходим из того, что концептосферы обоих романов строятся по одной и той же схеме.

Мы знакомимся с героем-рассказчиком (Роберт Росс/Людвиг Зоммер) в Нью-Йорке, где он живет по документам умершего коллекционера антиквариата. Конец Второй мировой войны уже близок, поэтому, не смотря на то что у рассказчика есть работа, девушка (Наташа Петрова/Мария Фиола) и продленный вид на жительство, он не оставляет мыслей о возвращении обратно в Германию.

Ядро концепта составляют уже известные нам *ein Flüchtling* (беженец) и *ein Emigrant* (эмигрант). Хотя встречаемость второй лексемы существенно превышает встречаемость первой (в четыре раза в «Земле обетованной» и в пять раз в «Тенях в раю»), мы не можем «поместить» *ein Flüchtling* в приядерную зону, поскольку оба значения для Ремарка одинаково принципиальны.

На наш взгляд, качественное наполнение концепта в этих двух романах существенно отличается от остальных. В отношении пространства Америка – периферия эмиграции, «земля обетованная», война на ее территории совершенно не ощущается, поэтому эмигрант здесь противопоставляется обывателю, эмигрантский стиль жизни – обычному американскому, оппозиция «эмигрант – нацист» уже не настолько важна. Роберт Росс говорит Наташе, что уже устал быть эмигрантом и хочет побыть простым человеком: «Ich habe manchmal wirklich davon, ein Emigrant zu sein. Ich war den ganzen Tag Emigrant. Wie wäre es, wenn wir einfache Menschen wären?» [15, S. 100] (Иногда я понимаю суть, быть эмигрантом. Я был эмигрантом целый день. Чтобы было, если бы мы были простыми людьми).

Кроме того, можно говорить и о трансформации номинативного поля концепта. Происходит образование своеобразной эмигрантской иерархии: *reiche Emigranten* – преуспевающие эмигранты, *Unentschlossene* – нерешительные (таких большинство) и *Überwinterer* – зимующие («die, die zurück müssen, weil sie hier keine Arbeit finden» [Ibidem, S. 340-341] (те, кто должен вернуться назад, так как не нашли работу). Более общая классификация включает активных и пассивных эмигрантов: «Es gibt *aktive und passive Emigranten*» [Ibidem, S. 118]. (Есть активные и пассивные эмигранты). Более того, наличие эмигрантского статуса еще не делает человека идеальным: «Damit, dass man ein Emigrant ist, wird man noch nicht automatisch zu einem Engel» [Ibidem, S. 115]. («Чтобы быть эмигрантом, не надо становиться автоматически ангелом). В «Тенях в раю» и «Земле обетованной» эмигрант – уже не бедный, обездоленный бродяга, которого любой может безнаказанно обидеть. Он может украсть и у «своего» – у такого же, как он, эмигранта. Вспомним того же Биндинга из «Возлюби ближнего своего», которые украл из чемодана Керна сорок франков, тогда как Керн, оставив его ночевать в своем номере, был уверен, что эмигранты друг у друга не крадут. В «Тенях

в раю» роль эмигранта-подлеца досталась Гиршу, который присвоил коллекцию марок своего друга Грефенгейма, в «Земле обетованной» – Блюменталу, совершившему аналогичную кражу марок.

Приядерную зону образуют образные номинации: *Menschen zweiter Klasse* ‘люди второго сорта’, *feindliche Ausländer/enemy aliens* ‘вражеские иностранцы’, *unglückliche Menschen* ‘несчастливые люди’, *Opfer* ‘жертвы’, *Bekannte der Via Dolorosa* ‘знакомые по страстному пути’, *wer immer gegen Chancen von hundert zu eins zu kämpfen hat* ‘те, кто всегда ставит на один шанс против ста’, *ein illegitimer Wanderer zwischen zwei Welten* ‘нелегальный странник между двумя мирами’. Мойков называет себя «продуктом многих революций» (*ein Überbleibsel aus vielen Revolutionen*), а более молодые поколения эмигрантов – пионерами, авангардом космополитов (*Pionere, die Vorhut der Weltbürger*). Также в приядерную зону мы включили уже знакомые нам по предыдущим эмигрантским романам номинации: *Abenteurer wider ihren Willen* ‘странники против воли’, *moderne Kinder Ahasvers* ‘современные потомки Агасфера’ – Ремарк довольно часто использует эту аллюзию на библейский сюжет о вечном страннике; *ein unruhiger Schatten* ‘беспокойная тень’, *Menschen ohne Wurzeln* ‘люди, не имеющие корней’, *die Zugvögel, die im Käfig sitzen* ‘птица в клетке’, *Heimatlose* ‘потерявшие Родину’, *ein Deserteur* ‘дезертир’, *Schatten* ‘тени’. Эти образные сравнения показывают, что даже на безопасной территории эмигранты не обретают внутренней уверенности и остаются носителями «неприкаянного» эмигрантского мироощущения.

Ближайшую периферию составляют лексемы, называющие предметы или явления, находящиеся в непосредственной связи с эмигрантами: *die Mutter der Emigranten* ‘мать эмигрантов’ (Бетти/Джесси Штайн, живой символ самой эмиграции), *Jessies/Bettys Totenliste* ‘поминальник Бетти/Джесси’, *Emigrantenkoller* ‘эмигрантское безумие’, *Via Dolorosa* ‘страстной путь эмигрантов’, эмигрантский страх быть пойманным – *Emigrantenangst, alte gute Angst, das übliche Vergehen der Emigranten* (типичное преступление эмигрантов – нахождение без документов), *Illusionen der Emigranten* ‘иллюзии эмигрантов’, *Emigrantenwitze* или *Witze der Emigranten* ‘эмигрантские анекдоты’, *Emigrantenbegräbnisse* ‘эмигрантские похороны’, захоронения? (Begräbnis – похороны) *praktische Philosophie* ‘практическая философия эмигрантов’, *die alte Verlegenheitspause* ‘обычная пауза при встрече’, *die typische Emigrantenfrage* ‘типичный эмигрантский вопрос’ («Где мы в последний раз виделись?», «Kennen wir uns nicht von irgendwoher?»); вещи, которыми торгуют эмигранты, или бизнес (часто нелегальный), которым они занимаются: Хирш/Кан – утюги, фены, миксеры, электрические варочные аппараты (*Bügeleisen, Haartrockner, Mixer und elektrische Kochapparate*), Мойков/Меликов – водка, героин/морфий, девочки (*Wodka, Heroin, Morphium, Mädchen*), Лахманн – мощи, религиозные амулеты, статуэтки святых, четки (*Reliquien, Amulette, Heiligenbilder, Statuen und geweihten Rosenkranze*), русские эмигранты – иконы и яйца Фаберже (*die Ikonen und die kunstvollen Ostereier, die Faberge der Zarenfamilie aus Onyx und Gold gemacht hatte*) [Ibidem, S. 805]. (иконы и художественные яйца, который сделал Фаберже для царской семьи из драгоценных камней и золота).

К ближайшей периферии можно отнести и спиртные напитки, в частности, водку и вино. На вопрос Наташи о том, пьет ли он пиво и шнапс, Росс отвечает отрицательно: «In Deutschland trinkt man Bier und Schnaps. Aber ich habe mein Vaterland vergessen und trinke weder Bier noch Schnaps» [Ibidem, S. 137]. («В Германии пьют пиво и шнапс. Я забыл свою отчизну и не пью не пива, не шнапса»). Росс настолько свыкся со своим эмигрантским статусом, что не признает даже немецких национальных напитков.

В дальнейшую периферию включаем пространственные единицы: места, где эмигранты могут на время укрыться от полиции (*Der Louvre, das Museum des Arts Decoratifs, das Musee de Paumes und Notre Dame*) и обрести приют (гостиница «Мираж» – *Hotel «Rausch»*).

Еще один интересный случай расширения ассоциативного поля концепта «эмигрант» можно наблюдать в эпизоде, когда герой-рассказчик рассматривает китайские бронзовые вазы. Он настолько увлечен созерцанием, что начинает испытывать какое-то странное чувство ностальгии («Ihr gebt mir sonderbares Gefühl eines Zuhause-seins ohne Heimat» [12, S. 271]) – («Вы даете мне странное чувство быть дома, не имея родины») и называет вазы «бедными эмигрантками, чужеземками» («*arme, fremde Emigranten*»).

Таким образом, на основе проведенного анализа и построения нескольких концептосфер, можно сделать вывод, что концепт «эмигрант» является одним из принципиальных и структурообразующих в картине мира Ремарка. Реализация значения «эмигрант» от романа к роману принципиально изменяется. Первоначально эмигрант рассматривается как пострадавшая и угнетенная сторона. Когда же происходит пространственное перемещение более радикального характера (на периферию – в Америку), концепт усложняется и приобретает двойственный характер – происходит своего рода переосмысление образа эмигранта.

Содержание художественного концепта «эмигрант» заметно шире содержания аналогичного словарного концепта, поскольку включает в себя дополнительные смыслы, охватывающие сферы эмигрантского быта, жизнеобеспечения, переживаемых эмоций, а также обширный пласт символических (в том числе библейских) параллелей. Эмигрант у Э. М. Ремарка – не просто человек, покинувший родину; эмигранты имеют свое «вещное» окружение, «присваивают» себе определенные участки пространства, которые объявляются «эмигрантскими», и легитимируют свое мироощущение с помощью различных символических аналогий (от произведений искусства до планеты Земля). Помимо данного смыслового приращения по отношению к словарному концепту «эмигрант», художественный концепт обладает выраженной оценочностью, которая не свойственна нейтральному словарному определению и формируется в первую очередь за счет эмоционально окрашенного противопоставления эмигрантов и нацистов – «положительного» и «отрицательного» полюсов в художественной аксиологии Ремарка.

Список литературы

1. **Бабенко Л. Г.** Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2004. 464 с.
2. **Зуев А. Н.** Новый русско-немецкий словарь. М.: Оникс 21 век, 2005. 496 с.
3. **Иванцов Д. Н.** Русские беженцы в Югославии в 1921 г. // Русский экономический сборник. 1925. № 2.
4. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. **Комлев Н. Г.** Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1308 с.
6. **Маркин А.** Предисловие // Мартон Р. Э. М. Ремарк: «Береги себя, мой ангел»: интимный портрет писателя. М.: Арт-Флекс, 2001. С. 5-9.
7. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, 2007. 314 с.
8. **Поршнева А. С.** Пространство эмиграции в романном творчестве Ремарка. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 231 с.
9. **Koch M.** Die Nacht von Lissabon // Erich Maria Remarque-Friedenszentrum Osnabrück. URL: <http://www.remarque.uos.de/nvl.htm> (дата обращения: 21.10.2012).
10. **Orlowski H.** «Die Grenze der Zwei. Oder auf der Flucht vor der Trivialität»: zu den Romanen von Erich Maria Remarque // Thomas F. Schneider (Hrsg.). Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung. (Schriften des Erich Maria Remarque-Archivs 12). Osnabrück: Universitätsverlag Rasch, 1998. S. 13-26.
11. **Remarque E. M.** Arc de Triomphe. СПб.: КАРО, 2005. 325 с.
12. **Remarque E. M.** Das gelobte Land. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2010. 415 S.
13. **Remarque E. M.** Die Nacht von Lissabon. СПб.: КАРО, 2005. 384 с.
14. **Remarque E. M.** Liebe Deinen Nächsten. СПб.: КАРО, 2007. 376 с.
15. **Remarque E. M.** Schatten in Paradies. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2004. 514 S.
16. **Schlösser I.** Die Darstellung des Exils bei Erich Maria Remarque. Köln: Universität, 2001. 113 S.
17. **Schneider Th. F.** Erich Maria Remarques Roman «Im Westen nichts Neues»: Text, Edition, Entstehung, Distribution und Rezeption (1928-1930). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. 430 S.
18. **Schreckenberger H.** «Durchkommen ist alles». Physischer und psychischer Existenzkampf in Erich Maria Remarques Exil-Romanen // Text + Kritik. № 149. 2001. S. 30-41.
19. **Schreckenberger H.** Erich Maria Remarque im amerikanischen Exil // Thomas F. Schneider (Hrsg.). Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung. Osnabrück, 1998. S. 251-266.
20. **Schütz E.** «Die Wiederkehr des Weltkrieges» (Erich Maria Remarque: im Westen nichts Neues) // Schütz E. Romane der Weimarer Republik. München: Wilhelm Fink Verlag, 1986. S. 184-200.

CONCEPT “EMIGRANT” IN NOVELS BY E. M. REMARQUE

Porshneva Alisa Sergeevna, Ph. D. in Philology

Kurmacheva Yana Yur'evna

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. El'tsin
alice-porshneva@yandex.ru; kurmyana@yandex.ru

The authors analyze the concept “emigrant” in emigrant Pentology of E. M. Remarque; show that the use of cognitive linguistics methods – the construction of concept field model – allows expanding the understanding of emigrant’s literary image, consider nuclear and near-nuclear representations of the concept, its immediate periphery, and pay special attention to figurative and symbolic comparisons and allusions by which the novels model the hero-emigrant’s biography.

Key words and phrases: concept; Remarque; emigration; emigrant; core; near-nuclear zone; periphery; figurative comparisons.

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена истокам проблемы связи Льва Толстого с Востоком. Идеи восточной философии помогли Толстому сформировать его религию любви, отражавшую родовую сущность человека. Использование восточного фольклора в произведениях «Круг чтения», «Путь жизни», «На каждый день» свидетельствует об уважении великого писателя ко всем народам Китая, Индии, Ирана и других стран Востока. Актуальное влияние на формирование мировоззрения Толстого оказало учение мыслителей Древнего Востока: философов Лао-цзы, Конфуция, Мо Ди, персидских мыслителей Фирдоуси, Саади и Гафиз.

Ключевые слова и фразы: мыслители Востока сборник; афоризм; перевод; культура; наследие; мировоззрение.

Рустамзода Гуландом, к. филол. н.

Институт энергетики Таджикистана

rustamova-71@mail.ru

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СВЯЗИ ТОЛСТОГО С ВОСТОКОМ®

Начиная с 40-х годов XIX века тема Востока занимает прочное место на страницах русской печати. Вопрос о выборе дальнейших путей России, вставший перед обществом в связи с резко обозначившимся